

СИГИЗМУНДЪ ЛИВРОВИЧЪ.

ПУШКИНЪ

ВЪ ПОРТРЕТАХЪ.

ИСТОРИЯ ИЗОБРАЖЕНІЙ ПОЭТА
ВЪ ЖИВОПИСИ, ГРАВЮРЪ И СКУЛЬПТУРЪ.

Съ 70 иллюстраціями, въ томъ числѣ: 30 снимковъ съ портретовъ
поэта; 15 копій съ картинъ, гравюръ и рисунковъ, на которыхъ
изображенъ Пушкинъ; 5 факсимиле собственноручныхъ
набросковъ поэта; 13 видовъ памятниковъ и
проектовъ памятника; 2 снимка съ
Пушкинской медали и т. п.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 2 лин., 7.

1890.

СИГИЗМУНДЪ ЛИБРОВИЧЪ.

ПУШКИНЪ ВЪ ПОРТРЕТАХЪ.

ПУШКИНЪ

ВЪ ПОРТРЕТАХЪ.

ИСТОРИЯ ИЗОБРАЖЕНІЙ ПОЭТА
ВЪ ЖИВОПИСИ, ГРАВЮРЪ И СКУЛЬПТУРЪ.

СИГИЗМУНДА ЛИВРОВИЧА.

Съ 70 иллюстраціями, въ томъ числѣ: 30 снимковъ съ портретовъ
поэта; 15 копій съ картинъ, гравюръ и рисунковъ, на которыхъ
изображенъ Пушкинъ; 5 факсимиле собственноручныхъ
набросковъ поэта; 13 видовъ памятниковъ и
проектвъ памятника; 2 снимка съ
Пушкинской медали и т. п.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 2 лин., 7.

1890.

Дозволено цензурою, Спб. 2 октября 1889 г.

Евдокіи Теодоровнѣ Либровичъ

трудъ этотъ

посвящаю.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Съ полнымъ убѣжденіемъ въ томъ, что трудъ мой не будетъ лишнимъ въ богатой литературѣ о Пушкинѣ и что онъ пополнитъ одинъ изъ пробѣловъ въ этой литературѣ,—приступилъ я къ изданію настоящей книги. Каждый, кто интересуется поэтомъ, его великими твореніями, невольно переноситъ часть этого интереса и на его личность, на его изображенія. Онъ помѣщаетъ портретъ поэта на видномъ мѣстѣ, невольно обращаетъ къ нему свои взоры, старается узнать — похожъ ли портретъ. Этотъ интересъ къ изображенію поэта оправдываетъ и цѣль и значеніе настоящей книги. Въ ней собраны свѣдѣнія о всѣхъ портретахъ Пушкина, начиная съ портретовъ масляными красками, снятыхъ при жизни поэта, гравюръ извѣстныхъ художниковъ, литографій, фотографій и пр., и кончая любочными картинками съ изображеніемъ Пушкина, мраморными бюстами поэта и проч. Въ книгѣ дана исторія всѣхъ этихъ портретовъ, оцѣнка ихъ современниками и художественною критикою; наконецъ, въ ней имѣются копіи всѣхъ наиболее выдающихся портретовъ поэта, какъ гравированныхъ, такъ и писанныхъ масляными красками, исполненныхъ скульптурой и т. п.

Но этимъ не исчерпывается еще программа моей книги. Я включилъ въ нее также всѣ картины, изображающія сцены изъ жизни Пушкина. По моему мнѣнiю, картины, на которыхъ изображенъ Пушкинъ, находятся въ тѣсной связи съ его портретами. Кромѣ того, я постарался дать возможно полную исторiю несомнѣнно важнѣйшихъ скульптурныхъ изображенiй Пушкина, т. е. тѣхъ четырехъ публичныхъ памятниковъ поэту, которые сооружены по настоящее время. Наконецъ, книга моя обнимаетъ еще свѣдѣнiя объ изображенiяхъ поэта, послужившихъ рекламою или, просто, шуткою.

Такимъ образомъ, «Пушкинъ въ портретахъ» задуманъ шире, нежели тѣ немногiя, существующiя до сихъ поръ заграницей. подобныя сочиненiя о портретахъ Шекспира, Гете, Мольера, какъ равно и печатающiйся въ настоящее время трудъ о портретахъ великаго друга Пушкина Мицкевича. Насколько удачно съумѣлъ я выполнить задуманное—судить не мнѣ.

Сигизмундъ Либровичъ.

С.-Петербургъ, сентябрь 1889 г.

ПУШКИНЪ ВЪ ПОРТРЕТАХЪ.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ СИГИЗМУНДА ЛИБРОВИЧА.

I.

Внѣшность Пушкина. — Черты его лица въ дѣйствительности и на портретахъ. — Пушкинъ въ возрастѣ 12—14 лѣтъ, рисунокъ Чирикова или Брюллова. — Гравюра Гейтмана и копія съ нея. — Пушкинъ-мальчикъ по описанію И. И. Пущина. — Стихотворный портретъ Пушкина и неточности въ этомъ портретѣ. — Курчавая голова Пушкина-мальчика и анекдотъ о ней, рассказанный Макаровымъ.

«Отличительная черта поэзіи Пушкина—изящная и умная простота, и эта именно простота должна проявляться въ самомъ изображеніи поэта».

Это сказано было И. С. Тургеневымъ, въ концѣ семидесятыхъ годовъ, когда зашла рѣчь—въ какомъ видѣ слѣдовало бы представить Пушкина на проектировавшемся тогда первомъ «всероссійскомъ» памятникѣ поэту.

Всѣ-ли раздѣляютъ это мнѣніе? Несомнѣнно, нѣтъ. Объ этомъ можно судить уже по тому, что русская публика остается недовольною почти всѣми портретами поэта, сдѣланными при его жизни и признанными современниками вполне схожими, находя, что на этихъ портретахъ Пушкинъ «совсѣмъ не похожъ на великаго поэта», и ищетъ другихъ портретовъ—та-

кихъ именно, на которыхъ било бы въ глаза отраженіе того внутренняго огня, того генія, который создалъ длинный рядъ блестящихъ, вдохновенныхъ поэтическихъ произведеній, какъ-то: «Полтаву», «Онѣгина», «Руслана и Людмилу» и много другихъ. Въ портретѣ Пушкина многимъ хотѣлось бы встрѣтить то гордое, красивое лицо Байрона, то задумчивую, полную глубокой мысли, голову Мицкевича, то философски-спокойныя, но выразительныя черты Гете.

Этому желанію публики (конечно, части публики) въ послѣднее время стараются по мѣрѣ возможности удовлетворить нѣкоторые художники, воспроизводя портретъ Пушкина въ новомъ родѣ: съ задумчивымъ видомъ, гордымъ взглядомъ, направленнымъ вдаль, и проч. Не смотря на то, что такая, искусственно присвоенная поэту внѣшность, такой напускной эффектъ является не соответствующимъ дѣйствительности, все-же нельзя сказать, чтобъ и такіе портреты совсѣмъ не имѣли сходства съ первоначальными, снятыми при жизни и признанными вѣрными изображеніями поэта. Это отчасти можно объяснить слѣдующими характерными словами Николая Полевого въ «Московскомъ Телеграфѣ» 1827 г.: «Физиономія Пушкина, столь опредѣленная, выразительная, что всякій хорошій живописецъ можетъ схватить ее, вмѣстѣ съ тѣмъ и такъ измѣнчива, зыбка, что трудно предположить, чтобы одинъ портретъ Пушкина могъ дать о ней понятіе. Дѣйствительно, геній пламенный, оживляющійся при каждомъ новомъ впечатлѣніи, долженъ измѣнять выраженіе лица своего, которое составляетъ душу лица. Не оттого-ли замѣчаютъ и такое несходство въ лучшихъ портретахъ Байрона, хотя всѣ они имѣютъ нѣчто общее, выражающее подлинникъ?»

Какъ бы ни было, фактъ—несомнѣнный, что новѣйшіе, до нѣкоторой степени поддѣльные портреты Пушкина, съ напускнымъ эффектомъ «отпечатка поэзіи и генія въ чертахъ лица», пользуются въ массѣ наибольшимъ успѣхомъ,—и такіе именно портреты все чаще и чаще можно встрѣтить въ рамкахъ и

альбомахъ поклонниковъ поэта и во многихъ популярныхъ изданіяхъ его сочиненій. Конечно, знатоки и люди, понимающіе, что достоинство портрета—не въ ложномъ эффектѣ, а въ подлинномъ сходствѣ, что геніальность Пушкина нужно искать лишь въ его сочиненіяхъ, а не въ портретахъ,—предпочитають мнимо-«нехорошіе», но сходные портреты всѣмъ этимъ новѣйшимъ фабрикаціямъ эффекта. Но кто же не знаетъ, какъ мало вообще «знатокѣвъ»?...

Такимъ образомъ, вновь дѣланные портреты Пушкина все болѣе и болѣе отдаляются отъ правды, отъ дѣйствительности, все менѣе и менѣе вѣрно передаютъ дорогія черты величайшаго русскаго поэта.

Пушкинъ не былъ красивъ лицомъ; только черные, курчавые волосы и блестящіе, полные ума и огня, глаза его,—по словамъ современниковъ поэта,—были очень хороши. Но когда его лицо одушевлялось въ увлеченіи разговоромъ—онъ былъ прекрасенъ, и въ чертахъ его лица «отпечатывались черты его характера: благородство, живость, впечатлительность». Уловить эти именно черты лица и передать ихъ на полотнѣ или бумагѣ—было, конечно, чрезвычайно трудно; и потому, хотя въ числѣ художниковъ, писавшихъ портреты Пушкина съ натуры, при жизни поэта, находились лучшіе и извѣстнѣйшіе портретисты, какъ Кипренскій, Брюлловъ, Тропининъ, Верне, Мазеръ,—имъ не удалось вполне передать эти характерныя черты лица поэта. Художникъ, схватывая одну какую-либо черту, упускалъ изъ вида другую; наоборотъ, другой художникъ, схватывая новую черту, не подмѣчалъ первой, вѣрно переданной его предшественникомъ.

И понятно. Пушкинъ не принадлежалъ ни къ «актерамъ жизни», которые въ состояніи кривляться и скрывать внутреннюю боль или радость, выставя на видъ вмѣсто «зеркала души» лишь маску. Онъ не принадлежалъ также къ числу людей, лицо которыхъ можетъ оставаться спокойнымъ и несокрушимымъ, какъ скала во время бури: на этомъ лицѣ отра-

жалось и непременно должно было отражаться внутреннее «я» въ разные моменты жизни, подъ вліяніемъ разнообразныхъ условій. Человѣкъ, столько пережившій на своемъ вѣку и радостей и печалей, и чудныхъ дней и непріятностей,—поэтъ, такъ чутко относившійся ко всякимъ событіямъ, встрѣчамъ, слухамъ, такъ искренно принимавшій къ сердцу все окружающее,—не могъ, конечно, по простымъ уже фізіологическимъ причинамъ, не мѣняться въ лицѣ, не могъ обладать неизмѣнными чертами, словно застывшими (какъ это бываетъ у не требовательныхъ, самодовольныхъ людей). Эти черты должны были болѣе или менѣе измѣняться подъ вліяніемъ не только времени, но и событій и чувствъ, переживаемыхъ поэтомъ,—эти черты должны были отражать въ себѣ разнообразіе волненій и чувствъ ¹⁾).

Чтобы имѣть, если не въ дѣйствительности, то хоть въ воображеніи, приблизительно-вѣрный портретъ Пушкина со всѣми характерными особенностями «выразительнаго, но зыбкаго и измѣнчиваго», по выраженію Полевого, лица поэта—необходимо прослѣдить всѣ извѣстные намъ портреты Пушкина съ дѣтства и до самаго гроба.

Первый изъ извѣстныхъ портретовъ Пушкина изображаетъ поэта въ возрастѣ 12—14 лѣтъ, т.-е. передъ вступленіемъ въ лицей или же въ первые годы пребыванія въ этомъ учебномъ заведеніи; второе—вѣроятнѣе. На этомъ портретѣ Пушкинъ—мальчикъ представленъ въ профиль, въ рубашкѣ съ открытой шеей à la Вугон, съ черными, курчавыми волосами; голова подперта рукою, и глаза устремлены въ даль. Основная, дѣтскія

¹⁾ И. О. Василевскій (Буква), въ своей бесѣдѣ о Пушкинской выставкѣ въ Петербургѣ, высказываетъ мнѣніе, что «пушкинское лицо было очень характерно и самобытно и что графически оно легко воспроизводилось, и вотъ почему (?) нельзя сказать ничего опредѣленнаго и рѣшительнаго о портретахъ поэта. Есть болѣе схожіе портреты, есть менѣе схожіе, но трудно указать на что-либо совершенное и вполне вашему представленію отвѣчающее». Притомъ, по мнѣнію г. Василевскаго, техника пушкинскаго времени сама по себѣ заставляла желать очень многого. Она отличалась сухостью рисунка, тусклостью колорита и робостью кисти («Живопр. Обзорніе», 1880, № 21).

еще черты лица, изображенные на этомъ портретѣ, повторяются довольно наглядно, конечно съ небольшими измѣненіями, во всѣхъ позднѣйшихъ портретахъ Пушкина, что ясно доказы-

Пушкинъ въ возрастѣ 12—14 лѣтъ, гравюра Гейтмана.

ваетъ сходство этого перваго дошедшаго до насъ изображенія поэта.

Этотъ первый портретъ Пушкина сдѣлался извѣстнымъ